

Антон Чехов

Опять о Саре Бернар

Антон Павлович Чехов

Опять о Саре Бернар

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22114510

Чехов А. П. Опять о Саре Бернар // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 16: Сочинения. 1881 – 1902.: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.; Москва; 1979

Аннотация

«...Черт знает что такое! Утром просыпаемся, прихорашиваемся, натягиваем на себя фрак и перчатки и часов в 12 едем в Большой театр... Приходим домой из театра, глотаем обед неразжеванным и строчим. В восьмом часу вечера опять в театр; из театра приходим и опять строчим, строчим часов до четырех... И это каждый день!...»

Содержание

Антон Павлович Чехов

Опять о Саре Бернар

Черт знает что такое!

Утром просыпаемся, прихорашиваемся, натягиваем на себя фрак и перчатки и часов в 12 едем в Большой театр... Приходим домой из театра, глотаем обед неразжеванным и строчим. В восьмом часу вечера опять в театр; из театра приходим и опять строчим, строчим часов до четырех... И это каждый день! Думаем, говорим, читаем, пишем об одной только Саре Бернар. О, Сара Бернар!! Кончится вся эта галиматья тем, что мы до maximum'a расстроим свои репортерские нервы, схватим, благодаря еде не вовремя, сильнейший катар желудка и будем спать без просыпа ровно две недели после того, как уедет от нас почтенная дива.

Ходим в театр два раза в день, смотрим, слушаем, слушаем и никак не дослушаемся и не досмотримся до чего-нибудь особенного. Всё как-то сверх ожидания обыкновенно, и обыкновенно до безобразия. Смотрим не моргая и не мигая на Сару Бернар, впиваемся глазами в ее лицо и стараемся во что бы то ни стало увидеть в ней еще что-нибудь, кроме хорошей артистки. Чудаки мы! Раздразнили нас многообещавшие заграничные рекламы. Мы не увидели в ней даже ни малейшего сходства с ангелом смерти. Это сходство признано было за Сарой (как говорил кто-то где-то) одной умиравав-

шей, глядя на которую Сара училась отпрапляться в конце драмы *ad patres*¹.

Что же мы увидели?

Пойдемте, читатель, вместе в театр, и вы увидите, что мы увидели. Пойдемте... ну хоть на «*Adrienne Lecouvreur*». Идем в восьмом часу. Приближаемся к театру и видим бесчисленное множество двуглазых тарыхтящих карет, извозчиков, жандармов, городских... Ряд гуськом возвращающихся от театра извозчиков буквально бесконечен. Съезд – размеров ужасающих. В театральных коридорах толкотня: московские лакеи налицо все до единого. Одежд не вешают, а, за неимением крючков на вешалках, складывают их вчетверо, сжимают и кладут одно платье на другое, как кирпичи. Входим в самую суть. Начиная с оркестра и кончая райком, роится, лепится и мелькает такая масса всевозможных голов, плеч, рук, что вы невольно спрашиваете себя: «Неужели в России так много людей? Батюшки!» Вы глядите на публику, и мысль о мухах на обмазанном медом столе так и лезет в вашу голову. В ложах давка: на стуле сидят рара, на коленях рара – татап, а на коленях последней – детвора; стул же в ложе не один. Публика, надо вам сказать, не совсем обыкновенная. Среди театральных завсегдатаев, любителей и ценителей вы увидите немало таких господ, которые решительно никогда не бывают в театре. Вы найдете здесь сухих холериков, состоящих из одних только сухожилий, докторов

¹ к праотцам (*лат.*).

медицины, лежащих спать не раньше не позже 11 часов. Тут и до чертиков серьезный магистр дифференциального вычисления, не знающий, что значит афиша и какая разница между цирком Саломонского и Большим театром... Здесь и все те серьезнейшие, умнейшие дельцы, которые в интимных беседах театр величают чепухой, а актеров дармоедами. В одной из лож заседает старушка, разбитая параличом, со своим мужем, глухим и гугнивым князьком, бывшим в театре в последний раз в 1848 году. Все в сборе...

Стучат. Парижем запахло... В Париже не звонят, а стучат. Поднимается занавес. На сцене m-me Lina Munte и m-me Sidney. Вы видите не совсем незнакомую картину. Вы что-то подобное, кажется, видели года полтора-два тому назад на страницах «Нивы» или «Всемирной иллюстрации». Недостает только Наполеона I, стоящего за портьерой, в полутени, и тех богатых, роскошных форм, на которые так щедры французские живописцы... Начинается тарахтенье и трещанье на французском диалекте. Вы вслушиваетесь и ушами едва успеваете догонять расходившиеся языки картавящих француженок. Вам мало-мальски известно содержание «Adrienne Lecouvreur», вы чуточку утомляетесь следить за игрой и начинаете рассматривать... На сцене две француженки и несколько господ французов. Безупречно роскошные костюмы, не наш язык, это чисто французское умение бесконечно улыбаться – переносят ваши мысли в «о, Париж, край родной». Он припоминается вам, умный, чистень-

кий, веселый, как вдовушка, снявшая траур, с своими дворцами, домами, бесчисленными мостами через Сену. В лицах и костюмах этих легкомысленных французов вы узнаете Comédie Française с его первым и вторым рядами кресел, на которых восседает сплошной польдекоковский виконт. Вы мечтаете, и пред вашими глазами мелькают один за другим: Булонский лес, Елисейские поля, Трокадеро, длинноволосый Доде, Зола с своей круглой бородкой, наш И. С. Тургенев и наша «сердечная» m-me Лаврецкая, гуляющая, сорящая российскими червонцами семо и овамо.

Первое действие оканчивается. Занавес падает. В публике ни-ни... Тишина гробовая даже в райке.

Во втором действии показывается и сама Сара Бернар. Ей подносят букет (нельзя сказать, чтобы плохой, но и не совсем, не в обиду будь сказано, хороший). Сара Бернар далеко не похожа на ту Сару Бернар, которую вы видели на продающихся у Аванцо и Дациаро карточках. На карточках она как будто бы свежей и авантажней.

Оканчивается второе действие. Занавес падает, и публика аплодирует, но так лениво! Федотовой и даже Кочетовой аплодируют гораздо энергичнее. А как Сара Бернар раскланивается! С главою, склоненною несколько набок, выходит она из средней двери, идет к авансцене медленно, важно, никуда не глядя, точно *maximus pontifex*² пред жертвоприношением, и описывает в воздухе головой не видимую простым

² верховный жрец (*лат.*).

глазом дугу. «Нате, смотрите! – как бы написано во всей ее фигуре. – Смотрите, удивляйтесь, поражайтесь и говорите спасибо за то, что имеете честь видеть „самую оригинальную женщину“, „notre grande Sarah“!»

Интересно было бы знать, какого мнения гг. гости о нашей публике? Странная публика! Американцы выпили озеро Онтарио, англичане впрягли себя вместо лошадей, индейцы целой армией сторожили поезд, в котором она ехала, чтобы ограбить ее сокровища, а наша публика не хохочет, не плачет и аплодирует, точно озябла или держит свои руки в ватяных рукавицах.

«Медведи! – так, может быть, подумают спутники Сары. – Не хохочут и не плачут потому, что не знают французского языка. Не ломают от восторга шей и кресел потому, что ни бельмеса не смыслят в гении Сары!» Очень возможно, что так подумают. Всему миру известно, что за граница не знает нашей публики. Мы хорошо видели эту публику, а потому и можем «сметь о ней суждение иметь». Театр был переполнен медведями, которые так же хорошо говорят по-французски, как и сама Сара Бернар. В райке мы видели таких знатоков, ценителей и любителей, которые знают, сколько волос на голове г. Музиля, которые обрызжут ваше лицо слюной, опрокинут расходившимися руками лампу и не извинятся, если вы начнете спорить с ними о том, кто лучше: Ленский или Иванов-Козельский. В оркестре, на местах контрабасов, барабана и флейт заседает самая что ни на есть соль ми-

ра. Публики, аплодирующей г. Музилю за то, что тот «говорит смешно», на представлениях Сары Бернар не имеется; на эти представления ей ходить незачем; для нее интереснее смотреть клоуна Танти, чем Сару Бернар. Мы видели публику, избалованную игрой покойных Садовского, Живокини, Шумского, часто видящую игру Самарина и Федотовой, воспитанную на Тургеневе и Гончарове, а главное, перенесшую в последние годы столько поучительного горя. Одним словом, мы видели публику, которой угодить очень трудно, публику самую взыскательную. Немудрено, если она не падает в обморок в то время, когда Сара Бернар за минуту до смерти энергичнейшими конвульсиями дает публике знать, что она сейчас умрет.

Мы далеки от поклонения Саре Бернар как таланту. В ней нет того, за что наша почтеннейшая публика любит Федотову: в ней нет огонька, который один в состоянии трогать нас до горячих слез, до обморока. Каждый вздох Сары Бернар, ее слезы, ее предсмертные конвульсии, вся ее игра – есть не что иное, как безукоризненно и умно заученный урок. Урок, читатель, и больше ничего! Будучи дамой очень умной, знающей, что эффектно и что не эффектно, дамой с грандиознейшим вкусом, сердцеvedкой и всем, чем хотите, она очень верно передает все те фокусы, которые иногда, по воле судеб, совершаются в душе человеческой. Каждый шаг ее – глубоко обдуманый, сто раз подчеркнутый фокус... Из своих героинь она делает таких же необыкновенных женщин,

как и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью. Цель ее – поразить, удивить, ослепить... Вы смотрите на Adrienne Lecouvreur, и вы видите в ней не Adrienne Lecouvreur, а умнейшую, эффектнейшую Сару Бернар... Во всей игре ее просвечивает не талант, а гигантский, могучий труд... В этом-то труде и вся разгадка загадочной артистки. Нет того пустячка в ее малых и больших ролях, который не прошел бы раз сто сквозь чистилище этого труда. Труд необыкновенный. Будь мы трудолюбивы так, как она, чего бы мы только не написали! Мы исписали бы все стены и потолки в нашей редакции самым мелким почерком. Мы завидуем и почтительнейше преклоняемся пред ее трудолюбием. Мы не прочь посоветовать нашим перво- и второстепенным господам артистам поучиться у гостыи работать. Наши артисты, не в обиду будь им это сказано, страшные лентяи! Ученье для них хуже горькой редьки. Что они, то есть большинство наших артистов, мало дела делают, мы заключаем по одному тому, что они сидят на точке замерзания: ни вперед, ни... куда! Поработай они так, как работает Сара Бернар, знай столько, сколько она знает, они далеко бы пошли! К нашему великому горю, наши великие и малые служители муз сильно хромают по части знаний, а знания даются, если верить старым истинам, одним только трудом.

Мы смотрели на Сару Бернар и приходили от ее трудолюбия в неописанный восторг. Были местечки в ее игре, кото-

рые трогали нас почти до слез. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть стушевывалась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамеренного фокусничества, подчеркивания, мы, честное слово, заплакали бы и театр содрогнулся бы от рукоплесканий... О талант! Кювье сказал, что ты не в ладу с гибкостью! А Сара Бернар страсть как гибка!

Труппа, разъезжающая с Сарой, – ни то и, пожалуй, ни се. Народ здоровый, рослый, коренастый. Имея в виду всякие могущие произойти случайности (нападения тигров, индейцев и проч.), Сара недаром возит с собой этих мускулистых людей.

Держат себя французы на сцене восхитительно. Один московский рецензент, воспевая до кровавого пота Сару Бернар, упомянул между прочим о ее *уменье слушать*. Это уменье мы признаем не за одной только ею, но и за всей труппой. Французы отлично слушают, благодаря чему они никогда не чувствуют себя лишними на сцене, знают, куда девать свои руки, и не стушевывают друг друга... Не то, что наши... У нас не так делается. У нас г. Макшеев монолог читает, а г. Вильде, его слушающий, глядит куда-нибудь в одну точку и нетерпеливо покашливает; так и кажется, что на лице его написано: «И не мое это, брат, дело!» Труппа очень приличная, выдрессированная, но... бесталанная. Ни то ни се...

Возвращаемся, однако, к Adrienne Lecouvreur. Или вот что, читатель! Вам надоело читать мою дребедень, а мне

ужасно спать хочется. Бьет четыре часа, и у моей хорошенькой соседки горланит петух... Глаза слипаются, как обмазанные клеем, нос клюет по писанному...

Завтра опять на Сару Бернар... ох!

Писать, впрочем, про нее больше не буду, даже если редактор заплатит мне по полтиннику за строчку. Исписался! Шабаш!